

После того, как Шизуку несколько раз пробиравалась по джунглям, спотыкаясь каждые несколько шагов из-за гедзюцу, Наруто почувствовал, что земля изменилась на более каменистую поверхность. Наруто мог сказать, что они стояли рядом с другим водопадом, не тем, у которого они были раньше, и на мгновение остановились. Наруто отчаянно хотел заглянуть сквозь повязку на глазах, когда он услышал, как звуки воды немного стихли; он желал точно знать, что происходит. Все, что он мог видеть прямо сейчас, были смутные очертания Куноичи с их Чакрой, все разных оттенков светло-голубого.

Он провел много времени, размышляя о различных оттенках чакры людей; изначально он полагал, что это просто из-за того, что чакра у всех разная. Однако, учитывая количество людей в элементарных нациях и у всех только ограниченные оттенки синего, это казалось маловероятным. Из того, что он знал, предполагалось, что все в мире имеют разную сигнатуру чакры, причем близнецы имеют наибольшее сходство, почти на грани того, чтобы быть одинаковыми. Однако, это также означало, что это зависело не от ДНК, а от чего-то другого.

С точки зрения Наруто, если цвет Чакры не был частью самой подписи, он должен представлять что-то другое. Он огляделся на мгновение, его глаза быстро остановились на ведущей Куноичи, которая говорила, ее Чакра была самой темной в группе, а шиноби, ведущий его и Шизуку по туннелям, в которые они только что вошли, был следующим после их главара. Может быть, это как-то связано с возрастом? Или, может быть, это была их способность к чакре? Наруто слегка разочарованно вздохнул, Куноичи водопада ошибочно приняла это за разочарование из-за его предполагаемого отсутствия направления. На самом деле Наруто запоминал каждый поворот, который они делали в кажущемся лабиринте туннелей, которые они пересекали.

Насколько Наруто знал, цвет Чакры человека может означать любое количество вещей; это может быть связано с их сродством, их взглядом на жизнь, их диетой, чем угодно. Тогда, конечно, были такие люди, как Шизуку и Мидара, которые полностью отбросили любые концепции, которые у них могли быть, в окно. У его собственного компаньона была другая Чакра, чем у любого другого, которого он когда-либо видел, а у Мидары даже не была синей. Наруто был немного разочарован тем, что не мог видеть свою собственную чакру, даже когда он смотрел на свое тело; он догадался, что это было сделано для того, чтобы помешать ему просто видеть Чакру в своих собственных глазах, что сделало бы его практически слепым.

Он пожал плечами после некоторого раздумья; об этом нужно было размышлять в медитации, а не во время прохождения неизвестных туннелей в сопровождении группы обученных шиноби. Он просто довольствовался подсчетом и запоминанием различных изгибов и поворотов, которые он не должен был чувствовать. У него не было намерений делать что-то плохое в деревне, но он обещал защищать Шизуку, несмотря ни на что, поэтому он никогда не мог быть не готовым ко всему, даже к побегу из деревни ниндзя... снова.

- Пора вставать, Фуу! - единственная пара тускло-оранжевых глаз распахнулась, когда звук удара кулака по металлической двери разнесся по маленькой комнате. Это была не комната, а тюремная камера; от серо-белых стен до металлической двери с раздвижным смотровым окошком комната кричала о неволе. Девушка уже проснулась за час до того, как раздался звонок, как это было всегда в течение последних двенадцати лет ее жизни.

Она медленно поднялась с голого металлического пола, на котором только что закончила свои ежедневные упражнения, умудрившись точно засечь время пробуждения своего надзирателя. Технически он был ее "опекуном", но Фуу знала, каковы были их отношения, так же, как и этот мужчина; независимо от того, как он прятался за этой фальшивой вежливостью, она видела ненависть и отвращение в его глазах, как и все остальные в деревне. Она вздохнула; ее жизнь стала такой однообразной, что она почти могла отсчитывать ее, как часы.

- Семь, шесть... - она натянула сетчатую майку на свой развивающийся торс, не обращая внимания на легкий блеск пота. - пять, четыре...- затем появился ее белый жилет, обрезанный так, что из-под него выглядывала сетчатая рубашка, которая, в свою очередь, заканчивалась чуть выше пупка. - три, два... - наконец она надела свои такие же белые перчатки, в одной из которых была защита для лба, и на предплечья.

- Один, - в этот самый момент металлическая дверь со скрипом открылась, и в проеме появился высокий широкоплечий мужчина с большими мускулами и бритой головой. Фуу знала этого человека почти всю свою жизнь, во всяком случае, все, что она могла вспомнить; все было немного туманно до того, как семихвостый был запечатан внутри нее. Рассеянно она посмотрела на точку чуть выше левой груди, прямо над сердцем; если бы она направила туда Чакру, появилась бы печать, вероятно, самая сложная во всей деревне.

- Давай, - голос мужчины был грубым, как всегда, и даже с того места, где она стояла, она чувствовала следы алкоголя в его дыхании; он, без сомнения, пил прошлой ночью. Иногда Фуу ненавидела врожденные способности, которые достались ей, не то чтобы у нее не было достаточно причин ненавидеть могущественное существо внутри нее. Невероятно обостренное обоняние и вкус были всего лишь одним из них, и хотя она практически выросла с ними, имея всю свою жизнь, чтобы приспособиться, она все еще не могла чувствовать себя в порядке, зная так много о ком-то по тому, как он пахнет.

Например, у ее "смотрителя", Каншу, прошлой ночью в постели была женщина; от него все еще пахло духами и губной помадой, которыми она пользовалась, несмотря на то, что он принимал душ, если судить по запаху дешевого средства для мытья тела. Фуу даже могла сказать, что он ел этим утром: простое блюдо из белого риса, мисо-супа и рыбы на гриле. Устало откинув мятно-зеленые волосы с глаз, она тихо последовала за мужчиной из комнаты, ей не потребовалось много времени, чтобы понять, что разговор без прямого вопроса чаще всего заканчивается плохо.